

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2006 г. Р. КОМТЕ

О КЛАССИФИКАЦИИ СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ПОЛЬ БУАЙЕ, СЕРГЕЙ КАРЦЕВСКИЙ И АНТУАН МЕЙЕ*

История классификации русского (славянского) глагола начинается в XVII в. со славянских грамматик Зизания и Смотрицкого, которые подражали латинским образцам. Латинские грамматики повлияли и на “Русскую грамматику” Ломоносова (1755 г.)

В 1918 г. С. Карцевский предлагает новую синхроническую классификацию русского глагола, основанную на продуктивности разных глагольных моделей. Практически одновременно с С. Карцевским во Франции к тем же идеям пришел и А. Мейе, но они остались не замеченными французскими славистами, которые до 1960-х годов придерживались диахронической классификации Лескина–Буайе.

В статье подчеркиваются заслуги А. Мейе в истории классификации русского глагола и предлагается французским славистам обсудить эту тему.

“В желании охватить одновременно и синхронию, и диахронию можно упрекнуть авторов всех классификаций русских глаголов, разработанных к настоящему времени” [Karcevski 1927: 43].

Ни одна из предложенных к настоящему времени классификаций как славянских глаголов вообще, так и русского глагола в частности не получила единодушного признания. Как писал об этом А.В. Исаченко, “к сожалению, для русского глагола пока не удалось найти классификационную схему, которую признали бы абсолютно все [...]” [Isachenko 1975: 221]. Несколько моделей описания, конкурирующих друг с другом, сосуществуют в рамках русской традиции, и еще одна такая модель – употребляемая в настоящее время все реже и реже – восходит к французской традиции. В какой степени эти модели были связаны друг с другом?

**I. РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛА:
ОТ М.В. ЛОМОНОСОВА ДО С.О. КАРЦЕВСКОГО**

I.1. О классификации, принятой в настоящее время

В настоящее время в России русские глаголы классифицируются в соответствии с окончаниями, которые они принимают в настоящем времени¹: говорят о первом (“на е”)

* Автор выражает благодарность профессору Университета Paris IV-Sorbonne Жану Брейяру за помощь и поддержку в работе над статьей.

¹ Речь в данном случае идет о так называемом “морфологическом” настоящем времени [Comtet 2002a: 201, 249], т.е. системе окончаний, которая в зависимости от вида глагола передает либо настоящее время изъявительного наклонения, либо будущее время.

и втором (“на *и*”) спряжениях. Соответствующие буквы указывают на тематический гласный во втором и третьем лицах единственного числа и в первом и втором лицах множественного числа. На самом деле графема *е* передает фонему /о/, очевидную в сильной позиции: ср. *печешь* и *лезешь* или *смеешься* и *читаешь*. Данная классификация основана на орфографии.

К этому критерию добавляется еще и принцип продуктивности², т.е. способности лексической или грамматической модели неограниченно порождать новые единицы³. Наконец, в расчет принимаются и формы инфинитива (соответствующие суффиксы). В академической грамматике 1952 г., переизданной в 1960 г., выделяются четыре продуктивных класса и одиннадцать непродуктивных групп, различающихся по суффиксам инфинитива [ГРЯ 1952; ГРЯ 1960]. Речь идет о следующих четырех продуктивных классах:

класс I, представленный двумя вариантами, *читать* и *белеть*;

класс II: *мигнуть*;

класс III: *рисовать*;

класс IV: *говорить*.

Эта модель, представленная в большинстве опубликованных в России грамматик, имеет долгую историю.

1.2. “Российская грамматика” Ломоносова (1755 г.)

Выделение двух спряжений на основе орфографии (графемы “*е*” и “*и*”) представлено уже в грамматике старославянского языка М. Смотрицкого (1619 г.), где глаголы классифицируются в соответствии с окончанием второго лица единственного числа настоящего времени, как это имеет место и в латинских грамматиках [Guihomard 1925: 325]. Эта грамматика повлияла на многих русских исследователей, в том числе, и на Ломоносова, воспользовавшегося ее бинарным характером для описания русского глагола в своей “Российской грамматике” 1755 г. [Ломоносов 1757]. Можно предположить, что, стремясь к унификации орфографии, Ломоносов нашел тем самым способ “закрыть глаза” на феномен иканья (нейтрализации в кратком [и] фонем /и/, /е/ и /о/ после мягкой согласной в безударной позиции), известный в Москве уже в первой половине XVII-го века (о феномене иканья в русских комедиях того времени см. [Граннес 1972: 59–66]). Основывая свои классификации на орфографии глагола в настоящем времени и выделяя два спряжения, исследователи тем самым избегали рассмотрения некоторых спорных моментов, вызванных феноменом иканья, что было и остается важным также и для русских педагогов⁴. Та же тенденция очевидна и в работах немецких лингвистов, начавших описывать русский глагол еще до Ломоносова, см. *Grammatica russica* Г. Лудольфа (1698 г.) [Unbegaun 1958: 29–40].

1.3. Латинская модель 1802 г.

Авторы русских грамматик следовали представленной у Ломоносова глагольной классификации до появления в 1802 г. академической грамматики [РГ 1802], в которой

² Это слово восходит к 1898 г. [Воронков, Поняева, Попова 2002: 10], однако уже начиная с 1883 г. у Н.В. Крушевского можно найти понятие *продукции* [Крушевский 1996: 167], а у В.А. Богородицкого – *продуктивной аналогии* [Богородицкий 1901: 267]. Эти понятия пришли в русский язык из французского, через посредство немецкого (см. *Produktivität, produktiv*).

³ «Очень важно проникнуться следующей идеей: то, что “мертво”, может быть исчислено, и наоборот: то, что можно сосчитать, уже не является продуктивным. Напротив, то, что живо, не исчислимо» [Karcevski 1932: 85].

⁴ “В процессе преподавания русского языка основное внимание обращается на разграничение глаголов I и II спряжений с безударным окончанием: правильное определение типа спряжения глагола необходимо для обучения правописанию глагольных словоформ” [Белошапкова 1981: 340].

вводилась новая модель, основывающаяся на формах не настоящего времени, а инфинитива:

класс I: инфинитивы на *-ать* или *-ять*; см. *колебать, писать, блистать, являть...*;
класс II: инфинитивы на *-еть* или *-ѣть*; см. *мереть, алѣть, смотрѣть, сидѣть...*;
класс III: инфинитивы на *-ить* или *-ыть*; см. *строить, мыть...*;
класс IV: инфинитивы на *-оть* или *-уть*; см. *колоть, молоть, сохнуть, дуть...*
[Schütrumpf 1983: 159].

Это нововведение объяснялось предпосылками педагогического характера: бинарные классификации “славянского” и русского глаголов давали модель образования лишь настоящего времени: “а) Первое спряжение состоит из глаголов, кончающихся в неопределенном наклонении на *-ать* и *-ять*, каковы суть: *колебать, писать, блистать, являть* и проч. б) Второе спряжение содержит в себе глаголы, кончающиеся в неопределенном наклонении на *-ть* с предыдущей буквой *е* или *ѣ*, например: *мереть, алѣть, смотрѣть, видѣть* и проч. в) К третьему спряжению принадлежат глаголы, кончающиеся на *-ить* и *-ыть*, например: *строить, мыть* и проч. г) Четвертое спряжение составляют глаголы, кончающиеся на *-оть* и *-уть*, например: *колоть, молоть, сохнуть, дуть* и проч.” [Schütrumpf 1983: 160]. При этом модель описания была взята из латыни и романских языков: на рубеже XVIII-го и XIX-го веков в грамматическом мышлении в России господствовали идеи общей грамматики, очевидные, например, в работах А.С. Никольского, И.С. Рижского, Л.Г. Якоба, Н.И. Греча, И.И. Давыдова и других исследователей [Березин 1979: 45–46; Biedermann, Freidhof 1988]. Такая ситуация продолжалась вплоть до выхода “Оснований русской грамматики” В.Г. Белинского [Белинский 1837]. Для всех этих “запоздалых” последователей “Грамматики Пор-Рояля” латынь была идеальным универсальным метаязыком для описания конкретных языков, а также своеобразной моделью-образцом, ибо, начиная с эпохи Петра Первого, русские филологи стремились придать своему языку величие и достоинство “великих” классических языков [Comtet 2002b]; в латинских же грамматиках глаголы классифицировались в соответствии с формами инфинитива (глаголы на *-āre, -ēre, -ēre, -īre*)...

1.4. Межславянские схождения: Й. Добровский и Ф. Миклошич

Интересно, что аббат Добровский, один из представителей направления сравнительной грамматики, применил ту же схему для описания чешского глагола [Dobrovský 1809], а затем и старославянского [Dobrovský 1822]. Его модель, дополненная в 1876 г. Миклошичем [Miklosich 1876], названа “классификацией Добровского-Миклошича”. Критерием здесь служит тематический суффикс (*thème*) между корнем и окончанием инфинитива:

класс I: суффикс <ø>, см. *nes-ti*;
класс II: суффикс <по>, см. *dvig-no-ti*;
класс III: суффикс <ě>, см. *vlad-ě-ti*;
класс IV: суффикс <i>, см. *xod-i-ti*;
класс V: суффикс <a>, см. *děl-a-ti*;
класс VI: суффикс <ova>, см. *trěb-ov-a-ti* [Isačenko 1975: 212].

Эта классификационная система до сих пор используется в чешских грамматиках, см. [Травничек 1950: 282–410], в классификации русских глаголов, предложенной чешскими славистами [Barnetová et al. 1979: 382–403] и в грамматиках сербо-хорватского языка. Она повлияла и на немецкого лингвиста А. Шлейхера, описывавшего старославянский язык [Schleicher 1852]. Его ученик, младограмматик А. Лескин, развил ее на новых основаниях [Leskien 1871], отдавая предпочтение критерию, учитывавшему суффиксы на-

стоящего времени в третьем лице единственного числа; формы же инфинитива считались им при этом второстепенными:

класс I: суффикс <e>, <o>; см. *nes-e-tъ*, *nes-ti*;

класс II: суффикс <ne>, см. *dvig-n-etъ*, *dvig-nъ-ti*;

класс III: суффикс <je>, см. *děla-j-e-tъ*, *děla-ti*;

класс IV: суффикс <i>, см. *xod-i-tъ*, *xodi-ti* [Leskien 1962: 121–122].

Разработанные впоследствии описания старославянского языка следовали этой схеме: она настолько соответствовала старославянской глагольной системе, что стала канонической.

1.5. Возвращение к ломоносовской традиции

Глагольная схема, предложенная в академической грамматике 1802 г., не имела в России большого успеха. Ее заимствовали лишь Греч⁵ [Греч 1827; 1830] и некоторые другие исследователи [Reiff 1821⁶; Калайдович 1834; Давыдов 1852: 61–118], однако выделение множества дополнительных групп глаголов делало эту схему неэффективной. Белинский язвительно писал: “Итак, говоря собственно, у г. Греча тринадцать спряжений. Уф!.. Нужно ли доказывать чудовищность подобного разделения?” [Белинский 1953: 117].

А.Х. Востоков, первый русский представитель направления сравнительной грамматики, заимствует бинарную схему Ломоносова, но развивает ее, основываясь на сравнении форм инфинитива и настоящего времени. Отсюда возникает ряд дополнительных релевантных групп: глаголы на <e> и с суффиксами инфинитива <a> (этот суффикс выпадает в настоящем времени, см. *братъ*), <ova>, <nu>..., глаголами на <i> с суффиксами <i>, <ě>... [Востоков 1831: 70–138; Guihomard 1925: 329–330]. Большая часть авторов русских грамматик следовала за описаниями Востокова – среди них был даже Белинский [Белинский 1837], выделявший две традиционные группы глаголов и помещавший в них глаголы, которые считаются нерегулярными (они разделялись на 6 подгрупп) [Белинский 1953: 665–682]. Ф.И. Буслаев использовал затем этот бинарный подход в описании древнерусского глагола в “Исторической грамматике русского языка” 1858 г. [Буслаев 1959: 190–191]. Представители русской грамматической традиции в основном следовали этой модели до Первой мировой войны – хотя в нее и вносились некоторые поправки, как, например, у Богородицкого [Богородицкий 1904: 242] или у Шахматова [Шахматов 1913]. Впоследствии эту классификацию можно было найти в школьных учебниках, а также у некоторых лингвистов [Ушаков 1935: Ivii; Булаховский 1935: 228]. Робкие же попытки Г.П. Павского [Павский 1850: 181–236] и Л.В. Щербы [Щерба 1915] выделить “живые” и “мертвые” модели славянского глагола так ни к чему и не привели [Виноградов 1986: 366].

1.6. Нововведения Карцевского в 1918 г.

Карцевский, эмигрировавший в Женеву в 1906 г., использовал при построении таксономии русского глагола понятия, связанные с представлениями о продуктивности и син-

⁵ Фактически Греч классифицировал глаголы в соответствии с наличием или отсутствием в настоящем времени суффикса инфинитива.

⁶ Несмотря на декларируемое стремление к единообразию описания, Ш. Рейфф выделяет 25 типов спряжения: “Все глаголы русского языка могут быть сведены к одному спряжению. Некоторые грамматисты насчитывают два спряжения: глаголы, которые в третьем лице множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения оканчиваются на -утъ (-ютъ), и глаголы, которые в третьем лице множественного числа оканчиваются на -атъ (-ятъ). Достаточно напомнить, что множественное число на -я принимают глаголы с тематическим гласным *и*: *хвали-тъ*, *люб-ить*” [Reiff 1878: 98].

хронии. В Женеве он в 1908–1909 и в 1910–1911 гг. слушал лекции Ф. де Соссюра по общей лингвистике, а также лекции его учеников Ш. Балли и А. Сеше. В феврале 1917 г. он возвратился в Москву, где 7 февраля и 17 мая в здании Исторического музея выступил с докладами в рамках заседаний Московского лингвистического кружка. Согласно протоколу, это было «резюме некоторых глав работы докладчика, написанной на французском языке и озаглавленной “Systeme du verbe russe”» [Карцевский 2000: 235]. Что касается глагольного спряжения, исследователь аккуратно выделял – не прибегая ни к каким суждениям исторического порядка – продуктивную и непродуктивную группы. В первой группе он выделил пять классов, представленных в порядке уменьшения продуктивности в соответствии с суффиксом инфинитива и тематическим гласным настоящего времени:

класс I:	-ать –ают	см. читать –ают;
класс II:	-еть –еют	см. белеть –еют;
класс III:	-овать –уют	см. рисовать –уют; горевать –уют;
класс IV:	-ить –ат (-ят)	см. говорить –ят;
	-еть	см. гореть –ят;
	-ать	см. кричать –ат;
класс V:	-нуть –нут 200 глаголов совершенного вида: шепнуть;	
	-нуть –нут 200 глаголов несовершенного вида: гаснуть;	
	-ать –ут 100 глаголов: рвать –ут;	
	-чь –ут 15 глаголов: беречь –гут;	
	-ти –ут 40 глаголов: нести –ут	[Карцевский 2000: 327].

Как можно видеть, речь в докладе шла и о виде русского глагола. На заседании присутствовали многие в ту пору уже известные лингвисты: Н.Н. Дурново, Р.О. Якобсон, М.Н. Петерсон, Д.Н. Ушаков, М.Н. Соколов, П.Г. Богатырев, П.А. Расторгуев, И.Г. Голанов, А.А. Буслаев, П.П. Свешников... На втором заседании присутствовали и два французских лингвиста – Л. Болье и А. Мазон⁷. Как же реагировала аудитория на доклад, в котором описанию русского глагола вводились очевидные новшества, предполагавшие в первую очередь использование принципа продуктивности?

Ушаков вполне оценил новизну подхода Карцевского, при котором русский язык был представлен со “статической” (сегодня мы сказали бы “синхронной”) точки зрения и игнорировались “традиция” и “рутина”. Дело в том, что до этого времени “статический” принцип применялся русскими исследователями лишь в фонетических описаниях, прежде всего в работах Богородицкого [Карцевский 2000: 331]. Другие выступавшие говорили больше о проблемах видов. Однако на втором заседании Мазон выступил с критикой классификации Карцевского, напомнив о работах Лескина: “Деление на классы по Лескину не очень удачно, но приходится им пользоваться за неимением лучшего” [Карцевский 2000: 335]. Мазон разделил русские глаголы на несколько классов, в соответствии с подходом Лескина, объясняя чередование согласных *писать/пишу* наличием суффикса йот в настоящем времени. Однако Дурново возразил ему, сказав, что “признак образования наст[оящего] времени с *j* уже не создается сейчас в русских глаголах *пишу – пишешь*” [Карцевский 2000: 335]. Фактически подход Мазона, основывавшийся на описании старославянского глагола Лескином, был историческим. Это и подчеркнул Карцевский в своих рассуждениях о виде: “Мазон рассматривает морфологию русского

⁷ Известный русским лингвистам по своим работам о виде русского глагола, Мазон состоял во французской военной миссии на территории большевистской России – так же, как и специалист по болгарскому языку Болье (Брест-Литовский мирный договор, знаменовавший военное перемирие России с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, а также – теоретически – конец совместных военных действий России и союзных держав, был подписан лишь 3 марта 1918 г.).

глагола исторически (в его "Morphologie"). А употребление форм он рассматривает отдельно. И в этом его главная методологическая ошибка" [Карцевский 2000: 332].

Прежде чем привести здесь классификацию русского глагола, на которую ссылался Мазон, напомним, что положения, изложенные Карцевским в его опубликованной в Праге обзорной статье [Karcevski 1922]⁸ и в его диссертации, посвященной системе русского глагола [Karcevski 1927], нашли широкий отклик у русских лингвистов. Якобсон пишет и о том, что Соссюр в России стал известен именно благодаря Карцевскому: "Чуть позже, в 1917 г., С.И. Карцевский вернулся в Москву после нескольких лет учебы в Женеве и познакомил нас с основными положениями соссюрианской доктрины" [Jakobson 1962: 631]; «он был первым, кто в 1917–1918 гг., во время своего недолгого пребывания в России, вдохновил молодое поколение московских лингвистов идеями "Курса общей лингвистики" и применил его принципы для описания современного русского языка» [Jakobson 1956: 10].

На самом деле "Курс общей лингвистики" Соссюра пришел в Россию только в 1923 г.⁹, а переведен он был только в 1933 г. [Соссюр 1933]. Однако "в то время, как в Университете царило увлечение психологией и лингвистикой на фоне феноменологии и зарождающейся семиологии" [Fontaine 1974: 14], представленные Карцевским идеи Соссюра упали на благодатную почву. Не надо забывать и об идеях, получивших развитие у Бодуэна де Куртене и Крушевского в Казани в начале 1880-х гг.: идея о системном характере языка ("гармонии"), различии между синхронным ("статическим") и диахроническим ("динамическим") подходами, понятия "фонемы" и "морфемы", парадигматической и синтагматической осей (ср. ассоциации по "сходству" и по "смежности" и т.д.) – интересно, что уже в дискуссии, последовавшей за докладом Карцевского, Ушаков употребил бодуэновский термин "статический". Все эти идеи в России были более-менее известны. Должны они были привлечь и внимание самого Соссюра. Заместитель секретаря Парижского лингвистического общества с 1882 г., до своего отъезда в Женеву в 1891 г. Соссюр первым читал публикации, которые Бодуэн, избранный членом Общества 3 декабря 1881 г., регулярно туда посылал. В библиотеке Женевского университета хранится книга Крушевского "Ueber die Lautabwechslung" [Kruszewski 1881]¹⁰ с посвящением "Г-ну профессору Фердинанду де Соссюру" [Kruszewski 1995: 2] (Соссюр был профессором сравнительной грамматики германских языков в Высшей практической школе с 1881 по 1892 г.). Рискнем предположить, что идеи Казанской школы, систематизированные Соссюром, в каком-то смысле вернулись на родину благодаря Карцевскому. Кроме того, Бодуэн и Крушевский хорошо знали известный "Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках", написанный в 1878 г., и, конечно, могли развивать в своей работе многие идеи, содержащиеся в нем в зародыше...

Как бы то ни было, русскоязычные лингвисты сразу же приняли систему русского глагола, разработанную Карцевским. Хотя в 1920 г. Карцевский навсегда покинул Россию, его издавали в СССР [Карцевский 1928]. Виноградов ссылается на его "Систему русского глагола" в своей грамматике [Виноградов 1938] и в "Русском языке" [Виноградов 1947: 443], заявляя при этом, что, хотя Павский и Щерба и были его предшественниками, "наиболее детально, четко и убедительно раскрыта система русского глагола в работах русистов, принадлежащих к так называемой Женевской лингвистической школе" [Виноградов 1986: 366]¹¹. О том же можно прочесть и у Исаченко: "Именно С. Кар-

⁸ 1920 г. Карцевский вернулся в Страсбург, где два года преподавал русский язык в университете. В 1922 г. он уехал преподавать в русский лицей в Праге и оставался там до своего окончательного переезда в Женеву в 1926 г.

⁹ "Курс общей лингвистики", по-видимому, получил из Франции В.М. Жирмунский. Впоследствии упоминания о книге Соссюра становятся в работах русских лингвистов все более частыми.

¹⁰ Речь идет о главе его работы "К вопросу о гуне" [Крушевский 1881].

¹¹ В этом третьем издании книги Виноградов цитирует Карцевского 5 раз (с. 153, 154, 366, 405, 530).

цевский сделал решающий шаг в направлении современной и удовлетворительной с научной точки зрения классификации русского глагола” [Isacenko 1975: 213]; “опыт показал, что эта классификация, базирующаяся в основном на схеме С.О. Карцевского¹², сравнительно легко усваивается и позволяет ориентироваться в лабиринте русского глагола” [Исаченко 1960: 41]. Признан Карцевский был и в Германии, и в других странах Центральной Европы: «В своей новаторской работе “Система русского глагола” С. Карцевский впервые предпринимает научное описание русского глагола на чисто синхронной основе» [Mulisch 1975: 63]; см. также [Panzer 1995: 153; Bolla, Pál, Papp 1977: 360–361].

В сталинскую эпоху, по понятным причинам политического характера, Карцевского цитировать перестали. Такая ситуация продолжалась до 1957 г. (см. [Поспелов 1957], а также 3-е издание Большой советской энциклопедии 1973 г.). Однако в течение всего этого времени в грамматиках русского языка точно воспроизводилась система Карцевского, хотя и без упоминания его имени. Это очевидно уже в работе Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова [Аванесов, Сидоров 1945: 178–184], а также в академической грамматике 1952 г., написанной под руководством Виноградова, который относился к Карцевскому с большим уважением. Ту же схему воспроизводит и академическая грамматика 1970 г. [Шведова 1970: 404–410] – что повторяется и в издании 1982 г. [Шведова 1982: 647–663]. Упомянем также грамматические описания А.Н. Гвоздева [Гвоздев 1955: 354–362], Е.М. Галкиной-Федорук [Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 1957: 340–343; Галкина-Федорук 1964: 134–137], В.С. Валгиной [Валгина, Розенталь, Фомина, Цапукевич 1971: 238], Д.Э. Розенталя [Розенталь 1976: 277], А.А. Зализняка [Зализняк 1977: 91–135], Н.М. Шанского, А.Н. Тихонова [Шанский, Тихонов 1981: 161–162], Н.В. Костроминой [Костромина, Николаева, Ставская, Ширяев 1989: 117–118] и т.д.: как можно видеть, в описаниях русского глагола русские исследователи никак не могли обойти классификацию Карцевского.

II. ФРАНЦУЗСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА: II. БУАЙЕ

II.1. О так называемой “классификации Лескина–Буайе”

В то время как русские лингвисты высоко оценивали деятельность Карцевского, французские слависты его совершенно игнорировали. После публикации первой работы Карцевского [Karcevski 1922] о нем кратко и очень сдержанно упоминалось в статье об истории классификации глагола в русском языке: “Если говорить отдельно о недавней классификации г-на Карцевского, построенной на принципе разделения продуктивных и непродуктивных типов и считающей личные окончания лишь вторичным критерием, традиционные системы можно разделить на три группы [...]” [Guihomard 1925: 324]. Мазон, “этот блистательный ученик Буайе”, как называл его А. Мейе [Meillet 1914: 118], раскритиковал работу Карцевского, прибегая при этом к тем же аргументам, что и во время ученого спора в Москве: «[...] глагольная система представлена здесь как растущий живой организм, тогда как мертвые части отбрасываются во что-то вроде “общей ямы”, где лежат вперемежку около 400 глаголов. Отсюда следует, что, к примеру, пока еще продуктивный тип *толкнуть*, *стукнуть* совершенно отделен от “инертного” типа *гаснуть*, а такие разные глаголы, как *сосать* (*сосу*), *мазать* (*мажу*), *вѣять* (*вѣю*)¹³ относятся к одной и той же группе мертвых глаголов. Однако все эти отрицательные моменты только помогают лучше оценить преимущества классификации, в

¹² Передающая отчество Карцевского буква “О.” вместо “И.” обусловлена русским вариантом соответствующего имени: *Иосиф* (лит.) / *Осип* (простореч.), *Иосифович* / *Осипович*.

¹³ В этом споре новаторов с консерваторами Карцевский пользовался новой русской орфографией, введенной в 1918 г., тогда как Мазон, верный своему учителю Буайе, сохранял дореволюционную орфографию.

которой учитывается историческая перспектива – как это представлено у Лескина. Так же и понятие “жизненности” глагольных типов остается довольно субъективным: автор признает, что многие глаголы типа *печь, нести, писать*, определяемые им как “грамматически мертвые”, оказываются “самыми живыми” с точки зрения словаря» [Mazon 1923: 141–142].

Эту критику едва ли можно назвать честной, ибо “ученик г-на Буайе” умышленно смешивает частоту и продуктивность (ср. «оказываются “самыми живыми” с точки зрения словаря»). Вся система Карцевского сводится у него к простому применению старой гумбольдтианской метафоры (“язык – это живой организм”), что не могло не дискредитировать эту классификацию. Правда, двух ученых – Карцевского и Мазона – разделяло абсолютно все: социальный статус, жизненный путь, образование... Карцевский, скромный лектор русского языка в университете в Страсбурге, был в подчинении у Мазона, занявшего там пост профессора по окончании войны и остававшегося на нем до 1923 г. Однако и в долгу Карцевский не остался, когда, в частности, в 1943 г. писал по поводу “Русской грамматики” Мазона: “Ввиду совершенного отсутствия серьезной русской грамматики, а также благодаря значительному собранному материалу работа эта будет полезной. В то же время, оценка и порядок описания языковых фактов подчиняются здесь принципам филологии старой школы, не проницаемой для лингвистического мышления” [Karcevski 1943].

Фактически французские слависты признавали лишь глагольную классификацию Буайе (1864–1949), профессора русского языка в Школе восточных языков с 1891 по 1936 г. Эту классификацию (так называемую классификацию “Лескина–Буайе”) высоко ценили его ученики – и это несмотря на то, что их учитель представил ее только один раз, в 1895 г., говоря об ударении в русских глаголах. Несмотря на все свои амбиции, Буайе опубликовал очень немного работ, и сегодня известны лишь эта его статья, посвященная данному вопросу [Boyer 1895]¹⁴, а также комментированное издание текстов из “Азбуки” Толстого [Boyer, Speranski 1906]. Очевидно, он предпочитал руководить и представлять: с 1901 по 1917 г. Буайе был Президентом Парижского лингвистического общества, с 1908 по 1936 г. – главой Школы восточных языков, в 1911 г. он основал Санкт-Петербургский Французский институт, в 1921 г. стал одним из основателей Института славяноведения (Institut d'Etudes slaves) и журнала “Revue des études slaves” (с 1921 по 1949 г. он был одним из редакторов этого журнала)... Все эти регалии прочно закрепили его авторитет как крупнейшего французского специалиста по славистике – настолько, что само изучение славянских языков чрезмерно персонифицировалось. В то же время, скромный Мейе оставался единственным французским славистом, на которого реально ссылались, хотя и ассоциируя его имя прежде всего с индоевропейстикой.

Как же Буайе описывал русский глагол? Он отмечал, что принцип классификации, основанной на инфинитиве, приводит к выделению разнородных групп – как, например, группы, в которую входят глаголы *разумѣть, разумѣю / разумѣешь* и *будить, бужу / будишь*, а также к разделению глаголов, имеющих одинаковые формы в настоящем времени, например, *беру / берешь* и *несу / несешь* [Boyer 1895: 416]. Буайе, основываясь на выделенных Лескином для старославянского глагола четырех классах [Leskien 1871], распределяет по ним русские глаголы в соответствии с историческими критериями. Например, тезис о том, что у глаголов III-го класса основа настоящего времени оканчивается на йот (что приводит к палатализации предшествующего согласного, когда суф-

¹⁴ Здесь можно найти и пресловутый “закон Буайе”, о котором – очевидно, по памяти – Карцевский писал: “Закон Boyer: Seuls les verbes accentuant la finale de l’infinitif peuvent déplacer l’accent, другими словами, только в глаголах, ударяющих в инфинитиве последний слог, ударение может быть подвижным, в других случаях оно постоянно” [Карцевский 2000: 329]. А вот точная его формулировка: “Любой глагол, в неодносложном инфинитиве которого ударение падает не на конечный слог, является глаголом с неподвижным ударением” [Boyer 1895: 419].

фикс инфинитива <а> беглый), может быть верным только с исторической точки зрения (см. *писать*, настоящее время *пишу, пишешь, пишет...*, *пишут*)¹⁵. Сегодня это чередование считается не более чем одним из многих признаков настоящего времени, и ни один носитель русского языка не замечает здесь йота. Понятно, почему Унбегаун, даже следуя модели Буайе, поместил эти глаголы в один класс вместе с глаголами I-го класса [Unbegaun 1951: 192], определяя свои четыре класса по соединительному “гласному” и инфинитиву. Так, глаголы III-го класса – это “глаголы на -е с гласной основы” [Unbegaun 1951: 204]: видно, что, воспитанный в традициях классической филологии¹⁶, Унбегаун представлял своеобразный синтез традиционной русской бинарной системы (спряжения на *е* и *и* в соответствии с орфографией), системы Добровского–Миклошича (критерием которой является основа инфинитива) и, грубо говоря, системы Буайе, где речь идет о разбиении на классы. Мы увидим к тому же, что в своем представлении русского глагола он опирался еще и на понятие продуктивности.

Это безудержное преклонение перед идеями Буайе во Франции под стать восхищению русских лингвистов Карцевским: “Именно он, основываясь на написанном немцем Лескином учебнике старославянского, в тех непроходимых джунглях, которые представляет собой русское спряжение, очертил направляющий план, несущий повсюду ясность и свет” [Kantchalovski, Lebettre 1951: 1]. Такой консенсус исключал любой другой подход – как это часто бывало и в эпоху младограмматизма. Это не должно нас удивлять: хотя Буайе, вместе с Мейе, и слушал лекции Соссюра в Высшей практической школе в Париже, впоследствии (в 1886–1887 гг.) он учился у Лескина в Лейпциге, этой “младограмматической Мекке”. Затем, с 1889 по 1890 г., по совету М. Бреалья, он слушал в Москве лекции Буслаева, Фортунатова, Тихонравова и Шахматова – представителей сравнительно-исторического направления известного как “Московская лингвистическая школа”. Как мы уже видели (см. сноску 14), лингвисты говорили даже о “законе Буайе”, а само понятие “закона” было известным “грешком” младограмматиков. Иными словами, Буайе смотрел на язык исключительно с точки зрения диахронии.

II.2. Значение модели Лескина–Буайе для французской славистики

Классификация русского глагола, предложенная Буайе, широко распространилась среди французских славистов. Ее можно встретить в “Грамматике чешского языка”, написанной учеником Буайе Мазоном [Mazon 1921a], что и отмечал Мейе: “В чешской грамматике [...] есть несколько объяснений, где автор прибегает к фактам истории языка. Представленная же там классификация глаголов – это классификация Лескина, адаптированная г-ном Буайе к его лекциям по русскому языку” [Meillet 1922: 122]. Четыре класса, выделенные Буайе, очевидны и в классификации русского глагола, предложенной Мазоном в “Грамматике русского языка” 1943 г.: «Эта “Грамматика русского языка” не была бы написана без плодотворных занятий, которые г-н Поль Буайе в течение почти 45 лет вел в Национальной Школе живых восточных языков. Если эта книга и имеет какие-то достоинства, мы обязаны ими именно этим занятиям. Во всех же недостатках книги виноват сам автор» [Mazon 1943: 2].

Удивительно то, что структуралист Л. Теньер¹⁷ в своей “Малой грамматике русского языка” также принимает классификацию Буайе [Tesnière 1934: 76], не прибегая к крите-

¹⁵ “Класс III. Настоящее время изъявительного наклонения на -ю, -ешь, -ютъ, передающих -ji, -jeshъ, -jutyъ (суффикс -jo-, -je-)” [Boyer 1895: 416].

¹⁶ Борис Оттокар Унбегаун (1898–1973), немец из Санкт-Петербурга, после революции жил в Любляне, где слушал лекции Р. Нахтигала, а затем во Франции, где он завершил свое обучение славянской филологии. Унбегаун известен прежде всего как историк русского языка XVI-го века.

¹⁷ Теньер сотрудничал с Пражским лингвистическим кружком [Tesnière 1932; 1939], см. также его “Основы структурного синтаксиса” [Tesnière 1959].

рию продуктивности. Правда, германист по образованию, Теньер также слушал лекции младограмматиков в Лейпциге до 1914 г. – Унбегаун же был немало удивлен, найдя в его книге столько диахронии: “[...] г-н Теньер прибегает к фактам истории языка, быть может, чаще, чем это было бы необходимо для автора описательной грамматики современного русского языка. [...] Неожиданным кажется и использование им в книге старой орфографии [...]» [Unbegaun 1935: 107].

Системой Буайе во Франции пользовались для описания не только русского, но и других славянских языков, следуя примеру чешской грамматики Мазона 1921 г. и пожеланиям Буайе, который писал следующее по поводу классификации Лескина: “Удивительно, что эта классификация, столь же простая, сколь и точная, осталась неизвестной авторам практических грамматик. Своими неоспоримыми педагогическими преимуществами она заслуживала их внимания, и ее легко было бы применить для описания современных славянских языков” [Boyer 1895]. В 1933 г. Л. Болье опубликовал посвященную Буайе¹⁸ “Граматику болгарского языка” [Beaulieux 1933], о которой А. Вайан писал: “В своих теоретических грамматических описаниях болгарского языка Болье [...] вдохновлялся лекциями по русскому языку г-на Буайе, а также – в том, что касается системы глагола, на которую он обратил особое внимание, – грамматикой чешского языка г-на Мазона” [Vaillant 1934]. Та же тенденция очевидна и в “Грамматике польского языка” А. Граппена, написанной в 1942 г.: польские глаголы разделяются здесь на несколько групп в соответствии с классификацией Лескина–Буайе [Grappin 1963: 192–232]. Ученик Граппена, специалист по польскому языку Э. Деко также следует за Буайе и критикует Карцевского: “[Классификацию], которую иногда рекомендуют в педагогических целях, разделяя продуктивные типы и те, которые ими не являются¹⁹, мы можем принять здесь лишь очень упрощая, а следовательно, искажая реальные факты, а также искусственно отдаляя друг от друга похожие типы, имеющие к тому же сходное происхождение. Принятая здесь модель есть адаптированная к польскому языку классификация, изначально разработанная для старославянского языка и используемая в сравнительной славистике. Основным ее критерием являются не инфинитивы глаголов, но их настоящее время” [Dcaux 1974]. Конечно, эта классификация не имеет ничего общего с классификацией, используемой в самой Польше и основывающейся, в духе традиции Добровского–Миклошича, на тематическом гласном инфинитива. Во французских учебниках русского языка ссылки на Буайе сохранялись до 1977 г. [Pauliat 1976; Chaumont 1977]: *Magister dixit...*

II.3. О своеобразии французской славистики

Если говорить о других славистических традициях, можно заметить, что Лескин пытался применить свою модель описания старославянского к современному сербо-хорватскому языку в “грамматике, по своему характеру исторической и описательной одновременно” [Meillet, Vaillant 1969: vii]. Grosso modo, мы находим здесь те же 4 класса, выделенные для старославянского глагола, к которым добавлен еще один, дополнительный класс, позволяющий учитывать специфику глаголов типа *pîtam, pîtâš...* (класс IV, см. [Leskien 1914: 574–582]). В то же время, Р. Абихт (1850–1921) был единственным немецким лингвистом, который применил эту систему к описанию русского глагола [Abicht 1897–1898].

Авторы немецких грамматик русского языка довольно долго следовали либо бинарной русской модели, либо модели Добровского–Миклошича. Первую модель можно

¹⁸ “К собранному материалу я постарался применить замечательный метод, описанный г-ном Полем Буайе на его занятиях по русскому языку в Школе восточных языков” [Beaulieux 1933: x].

¹⁹ Фактически упрек остается тем же: речь идет о разделении непродуктивной и продуктивной моделей глаголов на <put'>, различающихся лишь в претерите.

найти в целом ряде грамматик [Trautmann 1948; Marnitz, Häusler 1950; Tauscher, Kirschbaum 1962]. Вторая традиция получила отражение у Бернекера и Фасмера [Berneker 1906: 117; Berneker, Vasmer 1947: 97]. Однако модель Карцевского быстро распространилась среди славистов после появления академической грамматики русского языка 1952 г. [ГРЯ 1952], см. [Bielfeldt 1952; Dick 1955; Steinitz 1955]. То же можно сказать и об англо-саксонской славистике, где предпочтение отдавалось бинарной модели (см. [Forbes 1916; Semeonoff 1958: 206–211; Ward 1962: 332–335; Cubberley 2000: 147] и т.д.), а также – за редкими исключениями – и о скандинавских славистах ([Pedersen 1916; Wirkland 1987] и др.).

II.4. Медленные и запоздалые изменения

Для того, чтобы пересмотреть систему Лескина–Буайе, французским славистам понадобилось довольно много времени. Одним из первых ее критиков был Ж. Легра, профессор в Дижоне, а затем в Сорбонне²⁰. В 1922 г. он издал “Краткий очерк русской грамматики” [Legras 1922], переработанное издание которого вышло в 1934 г. [Legras 1934]. Приверженность Легра взглядам Карцевского во втором издании совершенно очевидна: «Возможно, в базовой и элементарной грамматике классификация глаголов и не столь необходима. Однако мы все же решили ее представить. Поэтому в первом издании нашего “Краткого курса” приводилась детально разработанная и интересная классификация, идею которой г-н Поль Буайе заимствовал у Лескина. Однако по мере использования этой грамматики оказалось, что для успешного ее усвоения начинающим, дабы рассеять некоторые их сомнения, требовались разъяснения преподавателя. Поэтому здесь мы сочли необходимым прибегнуть к менее сложной классификации, предложенной в “Системе русского глагола” Сергеем Карцевским (Прага, издательство “Plamja”, 1927). Преимущество ее мы видим в том, что студент сможет познакомиться с некоторыми новыми понятиями, которые будут способствовать скорее его размышлениям, чем простому заучиванию материала наизусть» [Legras 1934: 61].

Мы уже говорили о синкретическом характере глагольной классификации, представленной в “Русской грамматике” Унбегауна [Unbegaun 1951]. К этому добавлялся еще и принцип продуктивности – поэтому не стоит удивляться, что в 1970-х гг. об этой классификации писали, что она “мало страдала от недавнего обновления лингвистики” [Johannet 1973: 374]. Напомним также, что Вайан использовал принцип продуктивности в своих работах по старославянскому, а также в сравнительной грамматике славянских языков.

Пройти мимо принципа продуктивности не смог даже Мазон в своей “Грамматике русского языка” [Mazon 1943] – и это несмотря на все его предубеждения против Карцевского: «Порядок, в котором эти четыре класса глаголов представлены здесь, не соответствует – подчеркнем это – соответствующей степени “жизненности” (*degré de vitalité*) каждого из классов. Лишь классы С и D живые²¹ (*vivantes*) и продуктивные: класс С – в большей степени, практически неограниченно, класс D – в ограниченных масштабах. Класс А давно перестал быть продуктивным и содержит лишь небольшое количество застывших единиц. Тем не менее, преимущество этого порядка состоит в том, что, с точки зрения скорее истории, чем современности, он лучше, чем любой другой, способствует пониманию как предшествующего развития, так и настоящего состояния системы. Порядок классов в соответствии со степенью их жизненности (*vitalité*) был бы следующим: С, D, В и А» [Mazon 1943: 146]. В то же время, в библиографии следующих изданий

²⁰ Германист по образованию, Легра неоднократно бывал в России до 1914 г. – здесь он встречался с Чеховым, Короленко, Толстым... В 1929 г. в Париже вышла его книга “Литература в России”.

²¹ Классы, обозначенные как А, В, С и D соответствуют традиционным римским цифрам I, II, III и IV.

упоминается “Система русского глагола”, которой даже дается позитивная оценка: «[Система глагола и проблемы вида] детально анализируются Сергеем Карцевским в его книге “Система русского глагола: эссе по синхронной лингвистике”» [Mazon 1963: 331].

Однако в четвертом и последнем издании, исправленном и дополненном автором, можно найти вставки, показывающие, что до настоящего пересмотра автору было еще далеко. Глаголы первого класса (непродуктивного) обозначены как “особенно живучие патриархи” (*patriarches singulierement vivants*), и Мазон прибегает к «признакам относительной частоты и жизнеспособности, обозначенным определениями “частый, редкий, устаревший, неупотребительный”» [Mazon 1963: 178]: частота здесь по-прежнему смешивается с продуктивностью! О приверженности традициям говорится и во введении: «Я посчитал, кроме того, полезным сохранить независимость по отношению к “синхронному плану” и потому счел должным оставить и даже дополнить количество указаний “диахронического” порядка – все они приветствуются мной в той степени, в какой могут историей объяснить состояние современного русского языка и очевидные в нем тенденции [...]» [Mazon 1963: 178]. В этом смысле – как и во многом другом – разница в подходах французских и прочих славистов оставалась очевидной, однако начиная с 1960 г. французские власти стали активно развивать преподавание русского языка. Nolens, volens, чтобы преподавать простым лицеистам, необходимо было использовать гораздо менее сложную традиционную бинарную русскую модель.

Поэтому славист Ж. Леписье вносит незначительные изменения во французскую классификацию русского глагола [Lepissier 1992: 79–94]. Он находит компромисс между классификацией Буайе и русской системой: для продуктивных рядов используется бинарная русская система (спряжения на “е” и на “и”), а для непродуктивных рядов – схема Буайе [Lepissier 1992: 79–94]. Через 50 лет после выхода “Системы русского глагола” (о которой, впрочем, Леписье не упоминал) эти нововведения были, конечно, запоздалыми.

В последующих грамматиках русского языка, написанных по-французски, о системе Буайе речь больше не идет – как забывается и о привычке обращаться к фактам истории. В классификации русского глагола вводится понятие продуктивности. Таков подход Р. Лермитта [L’Hermitte 1989: 155–156], П. Гарда, использующего бинарную русскую схему с учетом “дифференциального суффикса” инфинитива [Garde 1998: 344–377], Ш.-Ж. Вейренка [Veyrenc 1968: 60–62], а также авторов описаний русского языка, преследующих чисто педагогические цели.

III. АНТУАН МЕЙЕ, НЕПРИЗНАННЫЙ РЕФОРМАТОР ОПИСАНИЯ СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА

III.1. Применение Мейе принципа продуктивности к описанию славянского глагола незадолго до Карцевского

Обращаясь к истокам классификаций русского глагола, мы не могли пройти мимо рецензии на работу Карцевского “Система русского глагола”, написанной Мейе и опубликованной в 1928 г. Вот что пишет Мейе: «Классификации славянских глаголов – как Добровского, так и Лескина – нельзя не оценить по достоинству. Недостатки же как первой, так и второй не связаны с тем, что может иметь отношение к осознаваемой в большей или меньшей степени “диахронии”. Классификация, разработанная г-ном Карцевским и используемая им уже давно в его педагогической практике, кажется мне неплохой. Если отвлечься от некоторых особенностей, присущих русскому языку, я сам пришел к ней и использовал ее в работе “Общеславянский язык”²² (которую г-н Карцевский, кажется, не знает), в грамматике польского языка (написанной в соавторстве с г-жой Вильманн-Грабовской), а также в грамматике сербо-хорватского языка (написанной в соавторстве с г-ном Вайаном). Эта классификация до сих пор не принята слависта-

²² См. [Meillet 1924].

ми. Так как она основана на наблюдениях и фактах, я надеюсь, что скоро она войдет в употребление, и мне хотелось бы, чтобы г-ну Карцевскому удалось то, чего не удалось мне – чтобы его классификация получила всеобщее признание» [Meillet 1928].

В самом деле, о синхронии и продуктивности речь идет уже в написанной в 1921 г. в соавторстве с Г. Вильманн-Грабовской²³ “Грамматике польского языка” [Meillet, Wilmann-Grabowska 1921]. В предисловии читаем: “Мы намереемся представить здесь польский язык таким, как на нем пишут и говорят в настоящее время образованные люди, с его кодифицированными формами (*formes officiellement reçues*). Мы воздержались здесь от всех рассуждений исторического порядка. Настоящая грамматика описывает, а не объясняет. Однако описывая, мы ставим целью представить систему такой, какая она есть, со всем тем, что в ней есть характерного и специфического. Для этого мы сочли необходимым отказаться от традиционной классификации и, в особенности для глагола, не использовать ни старую классификацию Добровского, очевидно неудовлетворительную, ни весьма одностороннюю классификацию Лескина. Используемая здесь классификация подчеркивает особенности польского глагола, сохраняющего все основные черты глагола общеславянского” [Meillet, Wilmann-Grabowska 1921: i].

Как можно видеть, Мейе ограничивался синхронным описанием и в своей глагольной классификации отмежевывался от распространенных моделей представления славянского глагола, в частности, от модели Лескина–Буайе. Он разграничивает “нормальные типы” (*types potaux*), с инфинитивом на *-ić* и настоящим временем на *-i*, а также с инфинитивом на *-ać* и настоящим временем на *-a* – и “фиксированные типы” (*types fixés*), “где отношение между группами инфинитива и настоящего времени не может быть выражено каким бы то ни было общим правилом” [Meillet, Wilmann-Grabowska 1921: 156]. Отсюда следующий список “нормальных” глаголов:

- | | | | | |
|-----------------------|-----------------|--------------|-----------------|--------------------------------|
| 1. настоящее время на | – <i>a-</i> , | инфинитив на | – <i>ać</i> , | см. <i>gra, grać</i> ; |
| 2. настоящее время на | – <i>uje-</i> , | инфинитив на | – <i>ować</i> , | см. <i>pracuje, pracować</i> ; |
| 3. настоящее время на | – <i>nie-</i> , | инфинитив на | – <i>nąć</i> , | см. <i>schnie, schnąć</i> ; |
| 4. настоящее время на | – <i>uje-</i> , | инфинитив на | – <i>ć</i> , | см. <i>niemieje, niemiec</i> ; |
| 5. настоящее время на | – <i>i-</i> , | инфинитив на | – <i>ić</i> , | см. <i>robi, robić</i> |
- [Meillet, Wilmann-Grabowska 1921: 146].

Эти категории в точности совпадают с категориями, выделяемыми Карцевским для продуктивных типов русского глагола, за исключением только того порядка, в котором они представлены. Мейе дает гораздо меньше объяснений, чем Карцевский, однако его “нормальные” типы в общих чертах соответствуют выделяемым последним продуктивным моделям, и он постоянно говорит о том, что в рамках такой-то модели новых образований нет вообще, а какая-то другая модель, напротив, “очень продуктивна” [Meillet, Wilmann-Grabowska 1921: 148]. Комментируя свою работу, Мейе пишет: “Эта польская грамматика строго описательна. В ней используется классификация глагольных форм, которую можно применить ко всем славянским языкам, и это отличает ее от распространенных в настоящее время классификаций” [Meillet 1922: 122]. Отметим здесь утверждение принципа синхронии (“эта польская грамматика строго описательна”) и некоторого нового подхода (“что отличает ее от распространенных классификаций”), используемых для описания славянского глагола: в грамматическом изложении становится очевидно, что речь идет о критерии продуктивности. В том же тексте Мейе упоминает о чешской грамматике Мазона (см. выше), утверждая, что лингвистическое описание в ней представляет противоположность его собственному методу: оно диахронично (“несколько объяснений посредством языка” [*quelques explications au moyen de la langue*]) и следует принципам Буайе, игнорировавшего критерий продуктивности в описании гла-

²³ Г. де Вильманн-Грабовска, польская исследовательница санскрита, в то время читала лекции в Высшей практической школе.

гола (“классификация глаголов здесь – это классификация Лескина, адаптированная г-ном Буайе для его занятий по русскому языку” [Meillet 1922]). Критика диахронического подхода становится еще более детальной в 1931 г., когда выходит второе издание этой чешской грамматики: “Глаголы классифицируются здесь в соответствии с формами настоящего времени; формы, классифицированные в первую очередь, *nesu* (класс 1) и *piši* (класс 3), с точки зрения славянских языков суть не что иное, как пережитки. И в этом состоит значительное неудобство” [Meillet 1931: 372].

Те же принципы Мейе вместе со своим учеником Вайаном применяют и в грамматике сербо-хорватского языка в 1924 г. [Meillet, Vaillant 1924]. Мейе утверждает, что “цель данной грамматики состоит в описании литературного сербо-хорватского языка, как на нем пишут и преподают его в настоящее время. История языка намеренно не затрагивается, чтобы система сербо-хорватского языка предстала со всей наглядностью” [Meillet 1925a: 166–167]. При описании глагола здесь, за небольшими исключениями, выделяются те же “нормальные” группы, которые “почти все еще являются продуктивными” [Meillet, Vaillant 1969: 197], что и в польском:

- | | | | | |
|-----------------------|------------------|--------------|---------------------|--------------------------------|
| 1. настоящее время на | – <i>ām</i> , | инфинитив на | – <i>ati</i> , | см. <i>glēdām, glēdati</i> ; |
| 2. настоящее время на | – <i>īm</i> , | инфинитив на | – <i>iti</i> , | см. <i>čīniti, čēnīm</i> ; |
| 3. настоящее время на | – <i>ujēm-</i> , | инфинитив на | – <i>ovati</i> , | см. <i>kūpujēm, kupovati</i> ; |
| 4. настоящее время на | – <i>nēm-</i> , | инфинитив на | – <i>nuti</i> , | см. <i>gīnem, gīnuti</i> ; |
| 5. настоящее время на | – <i>ēm</i> , | инфинитив на | – <i>ati</i> , | см. <i>brīšem, brīšati</i> ; |
| 6. настоящее время на | – <i>īm</i> , | инфинитив на | – <i>eti/-ati</i> , | см. <i>vidīm, vīdēti</i> |
- [Meillet, Vaillant 1969: 198–223].

Вайан упоминает об этих двух книгах в некрологе своему учителю Мейе: «Полностью разделяя синхронические и диахронические исследования, г-н Мейе стремился к рассмотрению систем современных польского и сербо-хорватского языков, воздерживаясь от каких бы то ни было объяснений исторического характера – что и привело его к оригинальному представлению языковых фактов. Классификация славянского глагола Лескина, представлявшая значительно переработанный вариант прежней классификации, основывавшейся на инфинитиве, отвергалась: г-н Мейе считал ее слишком исторической для описания современного славянского глагола [...]. Таким образом, “классификация” заменяется описанием, и во всем изложении предпочтение отдается [...] очень гибкому концепту продуктивности, подчеркивавшему, что все элементы языковой системы имеют разное достоинство (*valeur*), одни принадлежат прошлому, а другие подготавливают будущую систему» [Vaillant 1936: 201]. О продуктивности речь шла и в “Общеславянском языке” [Meillet 1924]; не говоря уже о словообразовании (“продуктивные образования”, см. [Meillet 1924: 304]), этот критерий выступает в представлении разных групп глаголов [Meillet 1924: 168, 172, 188, 189].

Итак, все говорит о сходстве теорий Мейе с идеями Карцевского в ту же эпоху. Но к какому времени можно отнести истоки этих теорий Мейе? Здесь нам на помощь приходит Вайан, который пишет о сербо-хорватской грамматике следующее: “[...] написанная во время войны, пересмотренная и исправленная в Белграде в 1921 г., опубликованная лишь в 1924 г. из-за задержки, вызванной моим участием в работе, о котором г-н Мейе попросил меня лишь из великодушного отношения к своему начинающему ученику – в тот момент, когда его рукопись была уже завершена” [Vaillant 1936: 200–201]. Получается, что первоначальная работа над грамматикой была завершена Мейе в годы войны, в 1914–1918 гг. Когда, с другой стороны, разрабатывал свою теорию Карцевский? Во введении к “Системе русского глагола” в 1927 г. он пишет, что “этой работе уже шесть лет” [Karcevski 1927: 5] – следовательно, она была написана в 1921 г., – и что “лишь отрывки из параграфов, посвященных глагольной классификации и проблемам вида, уже публиковались ранее (*Slavia*, I, Praha, 1922)” [Karcevski 1927: 5]. Карцевский писал также и о своей работе, посвященной системе русского глагола, начиная с 1918 г., времени его пребывания в Москве. Получается, таким образом, что рукопись Мейе с

описанием сербо-хорватской грамматики появилась на 1–3 года раньше, чем система Карцевского. Польская же его грамматика была издана в то время, когда Карцевский, кажется, уже окончил рукопись, посвященную системе русского глагола. Иными словами, Карцевский и Мейе пришли к одним и тем же результатам практически одновременно, и отныне следовало бы говорить о классификации славянского глагола “Мейе–Карцевского”.

Что касается Мейе, именно в это время его чисто “спекулятивные” (*spéculatives*) лингвистические исследования становятся “оперативными” (*opératives*), даже если в его работах и присутствовала уже социологическая, анти-психологическая направленность²⁴: он сотрудничал с Э. Дюркгеймом в ежегоднике “*Année sociologique*” [Meillet 1905–1906], знал Л. Леви-Брюля по Парижскому лингвистическому обществу, а у советских лингвистов имел репутацию главы французской социолингвистики [Мейе 1938: 17–20; Звегинцев 1964: 439]. Однако в контексте послевоенной ситуации французские политики нуждались в лингвистах, так как сама политика изменения границ государств в Центральной и Восточной Европе требовала в то время оперирования критериями, которые признавались бы научно. За неимением же лучшего, последние чаще всего апеллировали к лингвистике. В то же время, французские политики, стремившиеся к нейтрализации на востоке политических наследников прежних центральных империй (Германия, Австрия и Венгрия) во многом благодаря славянским альянсам, считали своим долгом информировать французский народ об этих странах: в частности, описывать и преподавать их языки. В 1921 г. в Школе восточных языков были созданы польская, сербо-хорватская и сербская кафедры, а в 1933 г. – болгарская кафедра (см. [Chevalier 1996]). Именно в это время Э. Дени и Р. де Кэ, в целях “поддержки и расширения французского влияния” [Bernard 2002–2003: 396], основывают в Париже журнал “*Le monde slave*”. Мейе сотрудничает с журналом, начиная с выхода его первого номера в 1917–1918 гг., и в течение всего этого времени он не перестает участвовать в этой общей “мобилизации умов” во Франции, выступая с лекциями и создавая многочисленные научно-популярные тексты. В 1923 г., во время торжественной церемонии открытия Института славянских языков в Париже, он встретился с Масариком: “Принимая участие в торжественном открытии Парижского Института славяноведения в доме Эрнеста Дени, Президент Масарик тем самым подчеркивает, что смысл работы этого научного заведения будет состоять в деятельности, направленной на будущее Новой Европы” [Millet 1979: 28]. Следовательно, две славянские грамматики, созданные Мейе в это время, вполне вписываются в политику открытости и поиска союза с восточными государствами, проводимую во Франции по окончании Первой мировой войны.

III.2. О причинах неведения

Почему же идеи Мейе о классификации славянского глагола не получили признания у французских славистов? Они шли вразрез с системой Лескина–Буайе; Мейе же, очевидно, не хотел вступать в полемику ни с Буайе, ни с его учеником Мазоном. В самом деле, Мейе и Буайе были друзьями: они принадлежали к одному поколению (Буайе родился в 1864 г., а Мейе – в 1866 г.), они вместе учились в Сорбонне, в Коллеж де Франс, у Соссюра в Высшей практической школе; именно благодаря Буайе Мейе заинтересовался русским языком [Boyer 1936: 193], и оба они были учителями Мазона. Вместе они написали статью “Об одной из причин перемещения ударения в славянском склонении” [Boyer, Meillet 1894]. Скромный Мейе, вероятно, полагал, что обе созданные им грамматики славянских языков занимают весьма и весьма маргинальное положение в колоссальном целом написанных им работ. Тем не менее, он был весьма разочарован критикой в адрес своей польской грамматики настолько, что мог планировать ее переиздание

²⁴ “[...] некоторые французские лингвисты – в том числе и я – стремятся к обнаружению и изучению социальных условий существования языковых фактов” [Meillet 1925b: 4].

лишь в переработанном виде (“Основной автор этой грамматики, г-н А. Мейе, сам выразил пожелания, чтобы она не переиздавалась без изменений” [Grappin 1963: 7]). Кроме того, Мейе писал следующее по поводу “Системы русского глагола” Карцевского и своей собственной классификации славянского глагола: “Эта классификация не пользуется популярностью у славистов” [Meillet 1928: 43]. Действительно, Мазон считал “Польскую грамматику” “чисто описательной, лишенной каких бы то ни было замечаний из области языковой истории” [Mazon 1921b: 293]. Лишь Вайан все время ссылался на принцип продуктивности Мейе – в том числе, и в своем описании старославянского языка [Vaillant 1948]. Отсюда следующий парадокс: во французской славистике современные методы применялись в то время для описания мертвого языка, а исторические принципы – для описания живых языков! Это положение дел в какой-то степени отражает и “институциональный пейзаж” французской славистики: славянские языки преподавались в то время практически только в Школе восточных языков, возглавляемой ее патриархом Буайе, а не в университетах.

Московская же аудитория Карцевского в 1918 г. состояла из профессиональных лингвистов, а потому его классификация славянского глагола и распространилась в советской лингвистике. Якобсон связал ее впоследствии с “Тезисами Пражского лингвистического кружка” [TCLP 1929: 7–29], а Трубецкой использовал принцип продуктивности в своей работе над системой глагола в старославянском [Trubetzkoy 1954: 174]. Однако несмотря на этот “пражский эпизод”, в остальном Карцевский остался скорее “женивцем”²⁵.

III.3. Общее интеллектуальное наследие: Фердинанд де Соссюр

Задаваясь вопросом о причинах сходств в подходах Карцевского и Мейе к классификации русского глагола, нельзя не вспомнить о том, что Карцевский, преподававший в 1920–1922 гг. русский язык в страсбургском университете, по некоторым сведениям, писал диссертацию под руководством Мейе. Именно тогда (“этой работе уже шесть лет” [Karcevski 1927: 5]) он закончил свое фундаментальное исследование. Повлияла ли его работа на формирование идей Мейе? Или же интеллектуальное влияние шло в противоположном направлении? Обозначенная нами выше хронология заставляет отказаться от обеих этих гипотез. Что касается Мазона, то он, вернувшись из большевистской России, если и рассказывал Мейе о собрании лингвистов в Москве²⁶, его оценка могла быть только негативной. Поэтому следует предположить, что Мейе и Карцевский пришли к одним и тем же результатам независимо друг от друга – так же, как в 1896 г. Фортунатов и Соссюр пришли, независимо друг от друга, к открытию известного закона “Фортунатова и Соссюра” о перемещении ударения в балтийских и славянских языках²⁷. Сам “дух времени”, интеллектуальная обстановка той эпохи могли играть здесь существенную роль, однако не следует забывать и об общих интеллектуальных истоках, общем лингвистическом наследии Мейе и Карцевского.

Система Мейе–Карцевского, в основе которой лежит синхронный подход и понятие продуктивности языковых моделей, несет на себе отпечаток идей Соссюра, у которого

²⁵ Так, к примеру, о концепте продуктивности не упоминается в “Лингвистическом словаре Пражской школы” [Vachek 1960].

²⁶ Так, Мейе пишет следующее по поводу книги Дурново “Диалектологические разыскания в области великорусских говоров”: “Эту работу передал мне от автора из большевистской России наш коллега г-н А. Мазон” [Meillet 1917–1918: 280].

²⁷ Следует заметить, что идея применить модель Соссюра к славянским языкам возникла у Мейе раньше Фортунатова: “На материале литовского языка этот закон был изложен в докладе г-на Ф. де Соссюра на Конгрессе ориенталистов в Женеве в сентябре 1894 г. После этого г-н Мейе заметил, что тот же закон может действовать и в славянском языке [...]” [Boyer 1895: 456]. Этот закон предвосхищен и в опубликованной в 1894 г. статье Буайе и Мейе об ударении в славянском склонении [Boyer, Meillet 1894].

учились оба лингвиста. Карцевский слушал знаменитые лекции по общей лингвистике в Женеве. Мейе слушал лекции Соссюра в Высшей практической школе. Кроме того, он возглавил кафедру сравнительной грамматики после отъезда Соссюра в Женеву в 1891 г., а его первая работа в области индоевропеистики, написанная в 1903 г., посвящена Соссюру. В 1914 г. он пишет: “Лингвистическая мысль Ф. де Соссюра была настолько богатой, что я весь проникся ею. В том, что я пишу, я не осмелился бы однозначно выделить все то, чем я ему обязан, но я уверен, что многое из того, что благожелательные судьи находят в моих работах похвального, было создано именно под влиянием обучения у Ф. де Соссюра” [Meillet 1913–1914: 115]. О том же говорится и в рецензии на “Курс общей лингвистики” в 1916 г.: “Я не был слушателем курса по общей лингвистике Ф. де Соссюра. Однако известно, что мысль Ф. де Соссюра определилась очень рано. Доктрины, эксплицитно изложенные в его курсах по общей лингвистике, несомненно, вдохновляли его и в преподавании сравнительной грамматики, имевшем место на двадцать лет раньше в Высшей школе, а эти лекции я слушал. Сейчас я нахожу эти доктрины такими, какими часто возможно было их воспринять в то время” [Meillet 1915–1916: 33]. Иными словами, Мейе был соссюрианцем в не меньшей степени, чем Карцевский.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает проделанное нами исследование, французская славистика какое-то время оставалась закрытой для новых идей, а Институт славяноведения в Париже долго считался чем-то вроде пантеона идей младограмматиков (вспомним хотя бы о враждебном отношении французских славистов к фонологическому анализу, предложенному Якобсоном и Трубецким). Еще сегодня некоторые испытывают ностальгию по “золотому веку”, когда синхронические исследования могли сочетаться с диахронией (ср. понятие “бисинхронии” (*bisynchronie*) у Поля Гарда [Garde 1988]).

В то же время, французским славистам нельзя отказать в изобретательности, ведь Мейе, кажется, пришел к новой системе описания славянского глагола чуть раньше Карцевского – хотя это его открытие и осталось незамеченным, подобно многим другим нововведениям, опередившим свое время или появившимся не там, где их оценили бы в должной степени. Все это – несмотря на существующие клише – характеризует Мейе скорее как “научного модерниста”, чем как консерватора, интересовавшегося исключительно индоевропейскими исследованиями и лингвистической реконструкцией, а чей подход “следует считать скорее историческим”, чем “подходом структуралиста” [L’Hermitte 2000: iij]. В самом деле, скрытый конфликт Буайе и Мейе, проявившийся в их разных подходах к классификации славянского глагола, есть конфликт двух противоположных концепций в лингвистике: концепции исторической, свойственной младограмматикам в XIX-м веке, и концепции Мейе, еще связанной с прошлым, но уже направленной в будущее. В этой связи показательна следующая история: в Парижском лингвистическом обществе спорили о преподавании французского языка. “П. Буайе хотел бы ввести в курс преподавания французского языка обучение латыни. Он полагает, что такое преподавание, соответствующее желаниям самих учащихся начальной школы, необходимо в романской стране для лучшего понимания родного языка”. Напротив, “г-н А. Мейе вместе с г-ном Брюно утверждали, что французский язык следует изучать на французском языке и для французского же языка. В то же время, и отказываться от попыток лучше понять его структуру посредством латыни, по их мнению, не следовало” [BSLP 1922: xj]. Оппозиция двух разных подходов, двух стилей мышления не могла бы быть выражена более наглядно: один из них апеллирует к диахронии, другой – к синхронии и систематическим описаниям, когда сравнению уделяется большое значение, однако описание не смешивается с объяснениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесов, Сидоров 1945 – *Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров*. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1945.

- Белинский 1837 – *В.Г. Белинский*. Основания русской грамматики. Часть первая: Грамматика аналитическая (Этимология). М., 1837.
- Белинский 1953 – *В.Г. Белинский*. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1953.
- Белошапкина 1981 – *В.А. Белошапкина* (ред.). Современный русский язык. М., 1981.
- Березин 1979 – *Ф.М. Березин*. История русского языкознания. М., 1979.
- Богородицкий 1901 – *В.А. Богородицкий*. Очерки по языковедению и русскому языку. Казань, 1901.
- Богородицкий 1904 – *В.А. Богородицкий*. Общий курс русской грамматики. Казань, 1904.
- Булаховский 1935 – *Л.А. Булаховский*. Курс русского литературного языка. Т. 1. Киев, 1935.
- Буслаев 1959 – *Ф.И. Буслаев*. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Валгина, Розенталь, Фомина, Цапукевич 1971 – *Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина, В.В. Цапукевич*. Современный русский язык. М., 1971.
- Виноградов 1938 – *В.В. Виноградов*. Современный русский язык. Вып. I. Введение в грамматическое учение о слове. М., 1938.
- Виноградов 1947 – *В.В. Виноградов*. Русский язык. М., 1947.
- Виноградов 1986 – *В.В. Виноградов*. Русский язык. Изд. 3-е. М., 1986.
- Воронков, Поняева, Попова 2002 – *А.И. Воронков, Л.П. Поняева, Л.М. Попова*. Словарь-справочник. Латинское наследие в русском языке. М., 2002.
- Востоков 1831 – *А.Х. Востоков*. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.
- Галкина-Федорук 1964 – *Е.М. Галкина-Федорук* (ред.). Современный русский язык. Ч. 2. М., 1964.
- Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 1957 – *Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова, Н.М. Шанский*. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. М., 1957.
- Гвоздев 1955 – *А.Н. Гвоздев*. Современный русский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1955.
- Граннес 1972 – *А. Граннес*. Просторечные и диалектные элементы в языке русской комедии XVIII века. Bergen; Oslo; Tromsø, 1972.
- Греч 1827 – *Н.И. Греч*. Практическая русская грамматика. СПб., 1827.
- Греч 1830 – *Н.И. Греч*. Начальные правила русской грамматики. СПб., 1830.
- ГРЯ 1952 – Грамматика русского языка. Т. 1. М., 1952.
- ГРЯ 1960 – Грамматика русского языка, Изд. 2-е. Т. 1. М., 1960.
- Давыдов 1852 – *И.И. Давыдов*. Опыт отечественной грамматики русского языка, изданный вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1852.
- Зализняк 1977 – *А.А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
- Звегинцев 1964 – *В.А. Звегинцев*. История языкознания в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1964.
- Исаченко 1960 – *А.В. Исаченко*. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Bratislava, 1960.
- Калайдович 1834 – *И.Ф. Калайдович*. Грамматика языка русского. М., 1834.
- Карцевский 1928 – *С.И. Карцевский*. Повторительный курс русского языка. М., 1928.
- Карцевский 2000 – *С.И. Карцевский*. Из лингвистического наследия / Сост., вступ. статья и комментарии И.И. Фужерон. М., 2000.
- Костромина, Николаева, Ставская, Ширяев 1989 – *Н.В. Костромина, К.А. Николаева, Г.М. Ставская, Е.Н. Ширяев*. Русский язык. Ч. 2. М., 1989.
- Крушевский 1881 – *Н.В. Крушевский*. К вопросу о гуне. Исследования в области старославянского вокализма // Русский филологический вестник. Варшава, 1881. Т. 1. Вып. 5.
- Крушевский 1996 – *Н.В. Крушевский*. Избранные работы по языкознанию. М., 1996.
- Ломоносов 1757 – *М.В. Ломоносов*. Российская грамматика. СПб., 1757.
- Мейе 1938 – *А. Мейе*. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Павский 1850 – *Г.П. Павский*. Филологические наблюдения над составом русского языка. Ч. 3. СПб., 1850.
- Поспелов 1957 – *Н.С. Поспелов*. О лингвистическом наследии С. Карцевского // ВЯ. 1957. № 4.
- РГ 1802 – Российская грамматика. СПб., 1802.
- Розенталь 1976 – *Д.Э. Розенталь* (ред.). Современный русский язык. Изд. 2-е. Ч. 1. М., 1976.
- Соссюр 1933 – *Ф. де Соссюр*. Курс общей лингвистики. М., 1933.

- Травничек 1950 – *Фр. Травничек*. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950.
- Ушаков 1935 – *Д.Н. Ушаков* (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 1. М., 1935.
- Шанский, Тихонов 1981 – *Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов*. Современный русский язык. Ч. 2. М., 1981.
- Шахматов 1913 – *А.А. Шахматов*. Очерк современного русского литературного языка. СПб., 1913.
- Шведова 1970 – *Н.Ю. Шведова* (ред.). Русская грамматика. М., 1970.
- Шведова 1982 – *Н.Ю. Шведова* (ред.). Русская грамматика. Т. 1. М., 1982.
- Щерба 1915 – *Л.В. Щерба*. Восточнолужицкое наречие. СПб., 1915.
- Abicht 1897–1898 – *R. Abicht*. Hauptschwierigkeiten der russischen Sprache. Bd. 1–2. Leipzig; Wien, 1897–1898.
- Barnetová et al. 1979 – *V. Barnetová et al.* Русская грамматика. Ч. 1. Прага, 1979.
- Beaulieux 1933 – *L. Beaulieux*. Grammaire de la langue bulgare. Paris, 1933.
- Bernard 2002–2003 – *A. Bernard*. Le Monde slave, première revue française consacrée aux pays slaves // *RÉSl.* 2002–2003. V. 74. Fasc. 2–3.
- Berneker 1906 – *E. Berneker*. Russische Grammatik. 2. Aufl. Leipzig, 1906.
- Berneker, Vasmer 1947 – *E. Berneker, M. Vasmer*. Russische Grammatik. 5. Aufl. Berlin, 1947.
- Biedermann, Freidhof 1988 – *J. Biedermann, G. Freidhof*. Texts and studies in Russian universal grammar 1806–1812. V. 1–3. München, 1988.
- Bielfeldt 1952 – *H.H. Bielfeldt*. Die Klassifizierung der deutschen Verbum // *Russische Unterricht*. 1952. Bd. 5. № 9.
- Bolla, Páll, Papp 1977 – *K. Bolla, E. Páll, F. Papp*. Курс русского языка. Budapest, 1977.
- Boyer 1895 – *P. Boyer*. De l'accentuation du verbe russe // *Centenaire de l'École des langues orientales*. Recueil de memoires publié par les professeurs de l'École. Paris, 1895.
- Boyer 1936 – *P. Boyer, A. Meillet*. L'homme et le savant // *RÉSl.* 1936. V. 16. Fasc. 3–4.
- Boyer, Meillet 1894 – *P. Boyer, A. Meillet*. Sur l'une des origines du mouvement de l'accent dans la déclinaison slave // *Mémoires de la Société de linguistique de Paris*. V. 8. 1894.
- Boyer, Speranski 1906 – *P. Boyer, N. Speranski*. Manuel pour l'étude de la langue russe. Paris, 1906.
- BSLP 1922 – *Bulletin de la Société linguistique de Paris*. 1922. V. 23.
- Chaumont 1977 – *P. Chaumont*. Présentation simplifiée de la morphologie du verbe russe // *L'enseignement du russe*. 1977. № 23.
- Chevalier 1996 – *J.-Cl. Chevalier*. Les linguistes français et les pays d'Europe de l'Est de 1918 à 1931 // *Cahiers de l'ILSL*. Lausanne, 1996. № 8.
- Comtet 2002a – *R. Comtet*. Grammaire du russe contemporain. Éd. 2. Toulouse, 2002.
- Comtet 2002b – *R. Comtet*. Le latin des lumières en Russie // *Slavica occitania*. 2002. № 15.
- Cubberley 2000 – *P. Cubberley*. Russian: A linguistic introduction. Cambridge, 2000.
- Decaux 1974 – *É. Decaux*. Polycopié de petite grammaire polonaise. V. 1–2. Paris, 1974.
- Dick 1955 – *G. Dick*. Eine neue Klassifizierung der russischen Verben // *Russischunterricht*. 1955. Bd. 8. Hf. 6.
- Dobrovský 1809 – *J. Dobrovský*. Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache. Praha, 1809.
- Dobrovský 1822 – *J. Dobrovský*. Institutiones linguae slavicae dialectis veteris. Praha, 1822.
- Fontaine 1974 – *J. Fontaine*. Le cercle linguistique de Prague. Tours, 1974.
- Forbes 1916 – *N. Forbes*. Second Russian book. Oxford, 1916.
- Garde 1988 – *P. Garde*. Pour une methode bisynchrone // *Travaux du Cercle linguistique d'Aix-en-Provence*. 1988. V. 6.
- Garde 1998 – *P. Garde*. Grammaire russe. Phonologie et morphologie. Éd. 2. Paris, 1998.
- Grappin 1963 – *H. Grappin*. Grammaire de la langue polonaise. Éd. 3. Paris, 1963.
- Guihomard 1925 – *M. Guihomard*. Des systemes traditionnels de classement des verbes russes // *Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer*. Paris, 1925.
- Isačenko 1975 – *A.V. Isačenko*. Die russische Sprache der Gegenwart. Formenlehre. 3. Aufl. München, 1975.
- Jakobson 1956 – *R. Jakobson*. Serge Karcevski (August 28, 1884 – November 7, 1955) // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 1956. № 14.
- Jakobson 1962 – *R. Jakobson*. Retrospect // *R. Jakobson. Selected writings*. V. 1. S'-Gravenhage, 1962.
- Johannet 1973 – *J. Johannet*. Nécrologie. B.O. Unbegaun (1898–1973) // *RÉSl.* 1973. V. 46.
- Kantchalovski, Lebetre 1951 – *V.P. Kantchalovski, F. Lebetre*. Recueil des verbes russes classifiés et étudiés avec leurs racines. Pt 1. Paris, 1951.
- Karcevski 1922 – *S. Karcevski*. Classification naturelle des verbes russes // *Slavia*. 1922. V. 1. Fasc. 2–3.

- Karcevski 1927 – S. Karcevski. *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*. Prague, 1927.
- Karcevski 1932 – S. Karcevski. *Autour d'un problème de morphologie* // *Annales Academiae scientiarum Fennicae*. Ser. B. T. XXVII. Helsinki, 1932.
- Karcevski 1943 – S. Karcevski. "André Mazon, *Grammaire de la langue russe*. Paris, 1943", compte rendu // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 1943. V. 3.
- Kruszewski 1881 – N. Kruszewski. *Ueber die Lautabwechslung*. Kazan, 1881.
- Kruszewski 1995 – N. Kruszewski. *Writings in general linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Legras 1922 – J. Legras. *Précis de grammaire russe*. Leipzig, 1922.
- Legras 1934 – J. Legras. *Précis de grammaire russe*. Éd. 2. Paris, 1934.
- Lepissier 1992 – J. Lépiessier. *Questions de grammaire russe*. Paris, 1992.
- Leskien 1871 – A. Leskien. *Handbuch der altpolgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*. Weimar, 1871.
- Leskien 1914 – A. Leskien. *Grammatik der serbo-kroatischen Sprache*. Heidelberg, 1914.
- Leskien 1962 – A. Leskien. *Handbuch der altpolgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*. 8. Aufl. Heidelberg, 1962.
- L'Hermitte 1989 – R.L'Hermitte. *Éléments de grammaire générale du russe*. Clermont-Ferrand, 1989.
- L'Hermitte 2000 – R.L'Hermitte. *Avant-propos* // S. Karcevski. *Inédits et introuvables*. Leuven, 2000.
- Marnitz, Häusler 1950 – L. Marnitz, E. Häusler. *Russische Grammatik*. 10 Aufl. Halle, 1950.
- Mazon 1921a – A. Mazon. *Grammaire de la langue tchèque*. Paris, 1921.
- Mazon 1921b – A. Mazon. *Chronique: publications*. Polonais // *RÉSl*. 1921. V. 1.
- Mazon 1923 – A. Mazon. «S. Karcevski, "Classification naturelle des verbes russes", *Slavia*, 1/2–3, Prague, 1922», compte rendu // *RÉSl*. 1923. V. 3.
- Mazon 1943 – A. Mazon. *Grammaire de la langue russe*. Paris, 1943.
- Mazon 1963 – A. Mazon. *Grammaire de la langue russe*. Éd. 4. Paris, 1963.
- Meillet 1905–1906 – A. Meillet. *Comment les mots changent de sens* // *L'année sociologique*. 1905–1906. № 10.
- Meillet 1913–1914 – A. Meillet. *Nécrologie: Louis Havet* // *Annuaire de l'École des Hautes Études*. Paris, 1913–1914.
- Meillet 1914 – A. Meillet – BSLP. 1914. V. 19: Rec.: A. Mazon. *Morphologie des aspects du verbe russe*. Paris, 1908.
- Meillet 1915–1916 – A. Meillet – BSLP. 1916. V. 21: Rec.: F. de Saussure. *Cours de linguistique générale*. Lausanne; Paris, 1916.
- Meillet 1917–1918 – A. Meillet – BSLP. 1918. V. 21: Rec.: Н. Дурново. *Диалектологические разыскания в области великорусских говоров*. М., 1917.
- Meillet 1922 – A. Meillet – BSLP. 1922. V. 23: Rec.: A. Mazon. *Grammaire de la langue tchèque*. Paris, 1921.
- Meillet 1924 – A. Meillet. *Le slave commun*. Paris, 1924.
- Meillet 1925a – A. Meillet – BSLP. 1925. V. 25: Rec.: A. Meillet, A. Vaillant. *Grammaire de la langue serbo-croate*. Paris, 1924.
- Meillet 1925b – A. Meillet – BSLP. 1925. V. 25: Rec.: H. Delacroix. *Le langage et la pensée*. Paris, 1924.
- Meillet 1928 – A. Meillet – BSLP. 1928. V. 28: Rec.: S. Karcevski. *Système du verbe russe*. Prague, 1927.
- Meillet 1931 – A. Meillet – BSLP. 1931. V. 32: Rec.: A. Mazon. *Grammaire de la langue tchèque*. Paris, 1921.
- Meillet, Vaillant 1924 – A. Meillet, A. Vaillant. *Grammaire de la langue serbo-croate*. Paris, 1924.
- Meillet, Vaillant 1969 – A. Meillet, A. Vaillant. *Grammaire de la langue serbo-croate*. Éd. 2. Paris, 1969.
- Meillet, Wilmann-Grabowska 1921 – A. Meillet, H. de Wilmann-Grabowska. *Grammaire de la langue polonaise*. Paris, 1921.
- Miklosich 1876 – F. Miklosich. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*. Bd. 1–4. Wien, 1876.
- Millet 1979 – J. Millet. *L'Institut d'études slaves et la Tchécoslovaquie* // *RÉSl*. 1979. V. 52. Fasc. 1–2.
- Mulisch 1975 – H. Mulisch (Dir.). *Die russische Sprache der Gegenwart*. Bd. 2. Düsseldorf, 1975.
- Panzer 1995 – B. Panzer. *Das Russische im Lichte linguistischer Forschung*. München, 1995.
- Pauliat 1976 – P. Pauliat. *Grammaire russe*. Paris, 1976.
- Pedersen 1916 – H. Pedersen. *Russisk grammatik*. København, 1916.
- Reiff 1821 – Ch.Ph. Reiff. *Grammaire russe précédée d'une introduction sur la langue slavonne*. SPb., 1821.

- Reiff 1878 – *Ch.Ph. Reiff*. Grammaire française russe, 4 éd. revue, corrigée et refondue. Paris, 1878.
- Schleicher 1852 – *A. Schleicher*. Die Formenlehre der kirchenslavischen Sprache. Bonn; Wien; Prag, 1852.
- Schütrumpf 1983 – *M. Schütrumpf* (Dir.). Российская грамматика. С.-Петербург, 1802; München, 1983.
- Semeonoff 1958 – *A.H. Semeonoff*. A new russian grammar, 12^e ed. London; New York, 1958.
- Steinitz 1955 – *W. Steinitz*. Die russische Konjugation. 4. Aufl. Berlin, 1955.
- Tauscher, Kirschbaum 1962 – *E. Tauscher, E.-G. Kirschbaum*. Grammatik der russischen Sprache, 5. Aufl. Berlin, 1962.
- TCLP 1929 – Travaux du Cercle linguistique de Prague. Prague, 1929. V. 1.
- Tesnière 1932 – *L. Tesnière*. Synthétisme et analytisme // *Charisteria Gvilelmo Mathesio* [...]. Pragæ, 1932.
- Tesnière 1934 – *L. Tesnière*. Petite grammaire russe. Paris, 1934.
- Tesnière 1939 – *L. Tesnière*. Phonologie et mélange de langues // TCLP. 1939. V. 8.
- Tesnière 1959 – *L. Tesnière*. Eléments de syntaxe structurale. Paris, 1959.
- Trautmann 1948 – *R. Trautmann*. Kurzgefaßte russische Grammatik. Leipzig, 1948.
- Trubetzkoy 1954 – *N.S. Trubetzkoy*. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954.
- Unbegaun 1936 – *B.O. Unbegaun* – BSLP. 1935. V. 36; *L. Tesniere*. Petite grammaire russe. Paris, 1934.
- Unbegaun 1951 – *B.O. Unbegaun*. Grammaire russe. Lyon; Paris, 1951.
- Unbegaun 1958 – *B.O. Unbegaun* (ed.). Henrici Wilhelmi Ludolfi grammatica Russica. Oxford, 1958.
- Vachek 1960 – *J. Vachek*. Dictionnaire de linguistique de l'École de Prague. Utrecht; Anvers, 1960.
- Vaillant 1934 – *A. Vaillant* – BSLP. 1934. V. 34; Rec.: *L. Beaulieux*. Grammaire de la langue bulgare.
- Vaillant 1936 – *A. Vaillant*. Antoine Meillet : le slaviste // *RÉSl*. 1936. V. 16. Fasc. 1.
- Vaillant 1948 – *A. Vaillant*. Manuel du vieux slave. V. 1–2. Paris, 1948.
- Veyrenc 1968 – *Ch.-J. Veyrenc*. Grammaire du russe. Paris, 1968.
- Ward 1962 – *D. Ward*. Starting Russian. London, 1962.
- Wirkland 1987 – *L. Wirkland*. Modern rysk grammatik, 2. Uppl. Stockholm, 1987.

Перевела с французского *Е.В. Вельмезова*